

На правах рукописи

Родионов Владимир Александрович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД
(ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность:

23.00.04 – политические проблемы международных отношений и
глобального развития (по политическим наукам)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва-2006

Диссертационная работа выполнена на кафедре мировой и российской политики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель

- кандидат исторических наук,
доцент Богомолов Б.А.

Официальные оппоненты

- доктор политических наук,
профессор Яскина Г.С.
- кандидат политических наук
Зверев А.Л.

Ведущая организация

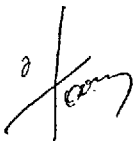
- Институт социологии
Российской Академии Наук

Защита состоится «6» сентября 2006 г. в 15 часов на заседании Диссертационного совета Д 501.001.47 по политическим наукам при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, философский факультет, 11 этаж, ауд. 1157

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки им. А.М. Горького (МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «30» октября 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
доктор политических наук

Бойцова О.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Российско-монгольские отношения как система многоуровневых связей между одной из крупнейших держав мира и несопоставимой с ней по международно-политическому весу страной, прошли за минувшее столетие через ряд неоднозначных по своему содержанию периодов. В этом смысле снижение экономической и политической мощи Советского Союза в конце 1980-х гг., его дальнейший распад и становление Российской Федерации в качестве правопреемника СССР стали ключевыми моментами в новейшей истории российско-монгольских отношений. Было положено начало качественно новому этапу в развитии этих отношений, в ходе которого изменился характер, основные принципы взаимодействия между двумя странами.

Россия и Монголия как страны, теснейшим образом связанные между собой на протяжении почти всего XX столетия, в настоящий период времени постепенно приходят к наиболее оптимальной модели взаимодействия в условиях нового внутривнутриполитического и международного контекста. Поэтому опыт и уроки общественно-политического и экономического развития двух стран в 1990-х – начале 2000-х гг. могут быть интересны с точки зрения перспектив дальнейшего взаимодействия как на двустороннем уровне, так и на пригранично-региональном и международно-региональном уровнях.

С позиций сравнительного анализа представляют интерес для исследования процессы трансформации межгосударственных отношений Российской Федерации как правопреемницы СССР с бывшими социалистическими странами в Европе и Азии, выявление общих и особенных черт этого процесса, региональная специфика, а также базисные основания, оказавшие свое влияние на динамику отношений стран после 1991 года. Особо следует подчеркнуть, что Монголия в ряду этих стран

выделяется своим наиболее продолжительным по времени следованием в направлении социалистической модели развития.

Проблема построения взаимовыгодных экономических и политических отношений с Монголией в постсоциалистический период является частью более масштабной исторической проблемы Российского государства – интеграции своих зауральских территорий в единое социально-экономическое и политическое пространство страны. В свою очередь интенсификация торгово-экономических связей с ближайшими приграничными территориями России также входит в перечень наиболее значимых задач для Монголии, испытывающей потребность в развитии своих отдаленных от Улан-Батора (в первую очередь, западных) районов.

О возросшей значимости пригранично-регионального уровня отношений говорит и такое обстоятельство, как актуализировавшаяся в начале 1990-х гг. идея национально-культурного, а также политического сближения Монголии с родственными ей в этно-лингвистическом и культурном плане народами, населяющими российские приграничные регионы. Эта идея 'высветила' новый (а точнее, возродила старый) аспект российско-монгольских отношений. А именно, скрытый вызов политико-территориальной целостности Российской Федерации со стороны идеологии, получившей в научной и публицистической литературе наименование «панмонголизм».

Состояние и перспективы развития современных российско-монгольских отношений являются важным сегментом в современной системе международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, Местонахождение между двумя крупнейшими державами евразийского материка - Россией и Китаем - превращает Монголию, особенно учитывая обширность ее территории в сочетании с малой численностью населения, в объект явного или скрытого соперничества внешних сил. Учитывая данное обстоятельство, а также наблюдаемую в постбиполярную эпоху тенденцию к усилению региональных уровней международных отношений, на котором

действует подавляющее большинство стран мира (подтверждением чего является участие Монголии на правах постоянного наблюдателя в такой международной региональной организации, как ШОС, активное сотрудничество с АТЭС), отношения России и Монголии должны быть рассмотрены и проанализированы в контексте международно-региональных политических процессов.

По ряду этих причин назрела необходимость переосмысления оснований и механизмов взаимодействия Российской Федерации и Монголии после дезинтеграции мировой социалистической системы, попытка которого предпринята в рамках данной диссертационной работы.

Степень научной разработанности проблемы. Для более четкого понимания трансформации российско-монгольских отношений в постсоциалистический период несомненный интерес представляют исследования периода до начала 1990-х гг. Большой вклад в изучение темы советско-монгольских отношений внесли в разные периоды такие отечественные исследователи как Е.А. Белов¹, Е.В. Бойкова², Л.М. Гатауллиной³, А.А. Гербова⁴, В.В. Грайворонский⁵, М.И. Гольман⁶, А.С. Железняков⁷, И.Я. Златкин⁸, Ю.В. Кузьмин⁹, Е.И. Лиштованный¹⁰, С.Г. Лузянин¹¹, И.М. Майский¹², Г.С. Матвеева¹³, Ш.Г. Надилов¹⁴, С.К. Рощин¹⁵, Г.И. Слесарчук¹⁶, Д.Б. Улымжиев¹⁷ и многие другие.

¹ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911-1919 гг.). – М.: ИВ РАН, 1999. – 237 с.

² Бойкова Е.В. Отношения МНР с капиталистическими и развивающимися странами. 1960-70-е гг. – М.: Наука, 1982. – 177 с.

³ Гатауллиной Л.М. Проблемы некапиталистического развития Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1978. – 303 с.

⁴ Гербова А.А. Развитие социалистической промышленности МНР на современном этапе. – М., 1978. – 114 с.

⁵ Грайворонский В.В. Торгово-экономические связи СССР и МНР. 1962-1987 гг. – М., 1988. – 182 с.;

⁶ Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе, XIII – сер. XX века. – М.: Наука, 1988. – 221 с.

⁷ Железняков А.С. Монгольский коммунизм: внутренние мотивы // VII Международный конгресс монголоведов. – Улан-Батор, 1997.

⁸ Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М., 1957. – 300 с.

⁹ Кузьмин Ю.В. «Монгольский и урянхайский вопросы» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX вв.). – Иркутск, 1998. – 269 с.

¹⁰ Лиштованный Е.И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX – 30-е гг. XX вв.). – Улан-Удэ, 1998. – 172 с.

¹¹ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в 1 половине XX в. Политические взаимодействия в 1911-1946 гг. – М.: Огни, 2003. – 320 с.

¹² Майский И.М. Монголия накануне революции. – М.: Институт востоковедения (ИВ) Академии наук СССР, 1959. – 311 с.

¹³ Матвеева Г.С. Монгольский революционный союз молодежи: история и современность. – М.: Наука, 1960.

Среди западных авторов, рассматривавших тему советско-монгольских отношений можно выделить К. Боудена¹⁸, О. Латтимора¹⁹, Дж. Мерфи²⁰, М. Россабби²¹, Р. Рупена²², А. Сандерса²³, П. Хайера²⁴, Б. Эллемана²⁵, Т. Юинга²⁶ и ряд других.

При всех достоинствах вышеперечисленных работ следует отметить определенное влияние идеологии на авторские позиции как советских, так и западных ученых периода «холодной войны». Кроме того, в современной российской историографии (равно как и в западной) отсутствуют работы, посвященные анализу специфических причин изменившегося характера межгосударственных отношений Москвы и Улан-Батора в конце 1980-х гг.

Работ, непосредственно затрагивающих постсоциалистический период российско-монгольских отношений как комплексного явления, в современном российском монголоведении немного. В центр исследовательского внимания чаще всего попадали такие сюжеты как динамика торгово-экономического сотрудничества, проблема погашения задолженности Монголии перед Россией, вопросы экономических и политических реформ в России и Монголии²⁷.

¹⁸ Надиров Ш.Г. Цеденбал. 1984. – М., 1995; Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940). – М., 1999.

¹⁹ Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940). – М., 1999. – 327 с.

²⁰ Русско-монгольские отношения. Сборник документов. Составитель Г.И.Слесарчук. – М., 1974. – 469 с.

²¹ Улымжиев Д.Б. Путь монгольского аратства к социализму. – Новосибирск, 1987. – 287 с.

²² Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. London, 1968. – 460 p.

²³ Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. N-Y., 1962. – 238 p.

²⁴ Murphy G. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. – Berkeley and Los Angeles, 1968. – 210 p.

²⁵ Rossabi M. China and Inner Asia. From 1268 till Nowadays. – New-York, Pica-Press, 1975.

²⁶ Rupen R. Mongols of XX century. Vol.1. Mouton, Indiana University Press, 1964. – 277 p.

²⁷ Sanders A. Mongolia. Politics, Economic and Society. – Oxford, London, 1987.

²⁸ Hyer P. Development of Outer Mongolia // The Asian Student. – 1976. – Vol. 25, №6.

²⁹ Elleman B.A. Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917-20. – Armonk, 1987.

³⁰ Ewing T. The Mongolian People's Republic today // Asian Affairs. – 1980. – Vol. 11, №3.

³¹ См. например: Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода, 1980-1995. – М., 1997. – 184 с.; Монголия: трудный путь к рынку. Сборник статей. – М: ИМЭПИ РАН, 1994. – 120 с.; Попов С.П. Существующее состояние и тенденции развития нефтяной и газовой промышленности стран Восточной Азии. – Иркутск, 2002. – 64 с.; Яскина Г.С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. – М., 1994. – 240 с.; Она же. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку. – М., 1998. – 229 с.

К исследованиям комплексного характера можно отнести монографии В.Ц. Ганжурова²⁸, Г.С. Яскиной²⁹ и О.А. Джагаевой³⁰. В то же время работы В.Ц. Ганжурова и О.А. Джагаевой носят преимущественно исторический характер, и первая из них событийно охватывает период до 1995 года. Название книги профессора Г.С. Яскиной подразумевает несколько иной угол зрения, при котором основное внимание уделено собственно Монголии и ее взаимоотношениям с внешним миром.

В современной монгольской историографии проблеме формирования иной в сравнении с социалистическим периодом модели взаимоотношений России и Монголии уделяется одно из основных мест, и в сравнении с российской, работ на эту тему, несомненно, больше (одной из причин этого является несоразмерная значимость российского направления во внешней политике Монголии в сравнении с монгольским направлением в российской внешней политике). Начиная со второй половины 1990-х гг. написан ряд интересных книг и статей по данной тематике, в том числе и на русском языке³¹. Для ряда работ (преимущественно 1990-х гг.) было характерным дуалистическое противопоставление периода советско-монгольского союза, с акцентированием на негативных сторонах этого времени, и современного периода взаимодействия на основе «истинно демократических принципов»³².

²⁸ Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (история, проблемы, современность). – Улан-Удэ: Издательство БГУ, 1997. – 106 с.

²⁹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – 370 с.

³⁰ Джагаева О.А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX столетия. – М.: Научное издание, 2003. – 138 с.

³¹ См. например: Баярхуу Д. Некоторые вопросы международных отношений и внешней политики Монголии. – Улан-Батор, 1996. – 182 с.; Балдоо Б. Внешние связи Монголии. Начало и конец XX века. – Улан-Батор, 2003. – 285 с.; Балдоо Б., Дамдинсүрен С., Хайсандай Л. Независимость Монголии и российско-китайский фактор. – Улан-Батор: АН Монголии. 1999. – 219 с.; Дугэрсүрэн М., Гомбосүрэн Ц. Обзор истории внешней политики Монголии в XX веке. – Улан-Батор, 2004. – 220 с.; Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. – Иркутск, 2002. – 122 с. (на русском языке); Лхамсүрэн Б. Внешняя среда Монголии и ее государственная независимость. – Улан-Батор, 1995. – 152 с.; Хишигт Н. Современные монголо-российские отношения // Геополитические отношения между Монголией и соседними азиатскими странами. – Тайвань, 2004. – С. 189-204.

³² См. например: Баабар Б. Монголия XX века: кочевки и оседлость. Потери и приобретения). – Улан-Батор, 1996. – С.249 (на монгольском языке); Бямбасүрэн Д. Предрасветные заморозки. – Улан-Батор, 1996. – С.169 (на монгольском языке); Батсайхан О. Препятствия на пути развития Монголии в 1921-1932 гг. – Улан-Батор, 1997. – С.37. (на монгольском языке); Галиймаа Н. Монгольско-американские отношения в XX веке: их возникновение, развитие и стоявшие перед ними проблемы – Улан-Батор, 2001. – С.31. (на монгольском языке); Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях // Россия и

В качестве одной из основных тенденций в монгольской историографии последних лет можно выделить более прагматичный подход к анализу трансформационных процессов в отношениях с Россией. Подавляющее большинство исследователей рассматривает возможность и необходимость поддержания высокого уровня политических и экономических отношений с Россией как с позиций потенциала для внутреннего развития Монголии, так и с точки зрения поддержания балансировки отношений, прежде всего с Китаем и странами Запада. Одновременно с этим стоит отметить недостаточную разработанность сюжета, связанного с ролью иных акторов, нежели государства, в процессе трансформации отношений стран в постсоциалистический период.

Рассматривая современные исследования западных специалистов по данной проблеме, можно сделать вывод о том, что большинство из них предметом своего исследования избирают комплексные политические и экономические связи Монголии с внешним миром, не уделяя особого внимания российскому сегменту этих связей³³.

Таким образом, несмотря на существенный исследовательский интерес к теме современных российско-монгольских отношений, она нуждается в более детальной и глубокой разработке.

Объектом исследования выступают трансформационные процессы в основаниях и механизмах российско-монгольского взаимодействия в постсоциалистический период.

Предметом исследования является совокупность предпосылок, причин, факторов, определивших трансформацию российско-монгольских отношений, ее специфические черты и общую направленность.

Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. Сборник статей. – М: ИВ РАН, 2001. – С.117.

³³См. Например: Campi A. Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. p.268-287.; Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // Asian Survey. – 1995, May. – Vol. 35, №5. p. 59-71; Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1997. – №4. p. 17-21; Rupen R. Mongols of the 21st Century // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. p.5-29.; Sanders A. Mongolia 1990: a New Dawn // Asian Affairs. – 1991. – Vol. 22, №2. p. 31-42;

Теоретико-методологической основой исследования стали научные, аналитические работы как теоретического плана, связанные с общенаучными подходами к теории международных отношений³⁴, так и практические обобщения специалистов-политологов и международныхников, а также практиков, занимающихся вопросами внешней политики России, в том числе в центрально-азиатском и дальневосточном регионах³⁵. В данном контексте особую важность представляют теоретические разработки, посвященные не только конкретному региональному направлению внешней политики РФ, но и основным проблемам, связанным с изменениями внешнеполитических оснований постсоветской России во взаимоотношениях с внешним миром и, прежде всего, со странами – бывшими членами социалистического мира³⁶. Решение поставленных задач требовало комплексного подхода: в нашу методологию вошли элементы ретроспективного, сравнительного, системного, институционального и структурно-функционального подхода.

³⁴ Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980; Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002 – 384 с.; Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: МОНФ, 2000. – 684 с.; Crockatt R. Theories of Stability and the End of the Cold War // From Cold War to Collapse: Theory and World Politics in the 1980s / Ed. By M. Bowker and R. Brown. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P.59-81.; Gilpin R. The Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1987. – 218 p.; Waltz K.N. Theory of International Politics. Readings: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

³⁵ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 352 с.; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. – М.: ИДВ РАН, 1999. – 379 с.; Галеносия Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т.1. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1992. – 200 с.; Жирнов Д.А. Россия и Китай в современных международных отношениях. – М.: МГИМО МИД РФ, 2002. – 290 с.; Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов / Китай в мировой политике. – М.: МГИМО, 2001. – С.311-336.; Михеев В. Азиатский регионализм и Россия // Pro et Contra. – Весна. 2002. Том 7. №2. – С.13-26.; Мясников В.С. Россия в новом концерте государств Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 1992. №5. – С.3-18.; Петровский В.Е. Безопасность на основе сотрудничества в СВА: потенциальная роль России // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. №2. – С.16-24.; Титаренко М.Л. Северо-Восточная Азия после «холодной войны» и интересы России // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. №5. – С.17-28.; Яковлев А.Г. Международно-политическая стабильность в СВА и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. №2. – С.3-13.

³⁶ Гельман И.А. Постсоветские политические трансформации // Полис. – 2001. №1. – С. 17-31.; Кулагин В.М. Политические режимы и внешняя политика // Pro et Contra. – Зима. 2003. Том 8. №1. – С.137-151.; Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия / Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М.: МОНФ, 2000. – С.336-368.; Миллер А. Центральная Европа: история концепта // Полис. – 1996. №4. – С.119-124.; Моцелков Е.Н. Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. – М.: МГУ, 1996. – 152 с.; Симония Н. Размышления о внешней политике России // Проблемы Дальнего Востока. – 1993. №2. – С.3-14.; Сорокин К.Э. Геополитика России в «ближнем» и «среднем» зарубежье: прагматическое измерение // Полис. – 1995. №3. – С.23-39.; Чешков М.А. Развивающийся мир и пост-тоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. – М.: Восточная литература, 1994. – 176 с.

Источниковая база исследования. Основные источники по теме диссертационного исследования можно разделить на следующие основные группы:

1. Материалы и договоры, опубликованные в сборниках договоров, соглашений, конвенций, заключенных РСФСР, СССР и РФ с Монголией, официальные документы, законодательные акты России и Монголии, регулирующие внешнеполитическую деятельность двух стран³⁷.
2. Статистические данные и материалы, необходимые для исследования, опубликованные в официальных статистических ежегодниках России и Монголии, а также в периодических изданиях на русском, монгольском и английском языках³⁸.
3. Мемуары отдельных советских/российских и монгольских руководителей, непосредственно участвовавших в формировании внешнеполитических курсов своих государств³⁹.
4. Материалы, полученные автором в результате личного общения с российскими и монгольскими учеными, официальными и неофициальными представителями российской и монгольской стороны.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с начала 1990-х гг. до современности. Событийно данный период связан с

³⁷ Внешнеполитическая концепция Российской Федерации // Дипломатический вестник. Специальный выпуск. – 1993. №1.; Внешнеполитическая концепция Российской Федерации // Дипломатический вестник – 2000. №8; Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник. – 1993. №3-4; Договор об экономическом и культурном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией. – Улан-Удэ, 1997; Концепция внешней политики Монголии // Восток-Запад (Улан-Батор). – 1995. №1-2; Концепция национальной безопасности Монголии // Восток-Запад (Улан-Батор). – 1994. №12; Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимая газета. – 10 января 2000; Советско-монгольские отношения. Документы и материалы 1921-1974 гг. – Т.2. – М.: Международные отношения, 1979; Улан-Баторская декларация // Дипломатический вестник. – 2000. №12.

³⁸ Россия и страны мира. Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2004; Статистический сборник Монголии. – Улан-Батор, 2004; World Economic Outlook. – January 2005. – Washington D.C., 2005.

³⁹ Баумунж Ж. Насилие не применять. – Улан-Батор, 2001; Бямбасүрэн Д. Предрассветные заморозки. – Улан-Батор, 1996; Капица И. КНР: два десятилетия – две политики. – М.: Международные отношения, 1969.

отказом руководства России и Монголии от социалистического пути развития и текущими процессами в российско-монгольском взаимодействии.

Цель и задачи исследования. Учитывая актуальность поставленной проблемы, ее научно-теоретическое и практическое значение, а также степень разработанности, целью данной работы является выявление оснований и механизмов взаимодействия России и Монголии в постсоциалистический период, а также факторов, определивших динамику и вектор развития отношений в 1990-х – начале 2000-х гг.

Исходя из указанной цели, нами поставлены следующие задачи:

1. При помощи компаративистского анализа определить общее и особенное в моделях взаимодействия СССР и социалистических стран, историческую и региональную специфику отношений Советского Союза с МНР;
2. Вычленить этапы развития российско-монгольских отношений в постсоциалистический период;
3. Раскрыть связь между внутренними политическими и социально-экономическими процессами в России и Монголии в постсоциалистический период и динамикой изменений в подходах их руководства к организации двусторонних отношений;
4. Определить роль пригранично-регионального уровня взаимодействия России и Монголии и связанных с ним специфических проблем в становлении новой модели российско-монгольских отношений;
5. Показать, каким образом изменившийся международно-политический контекст российско-монгольских отношений, в частности, роль третьих стран и международных организаций, влияют на характер и развитие российско-монгольских отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. В отличие от отношений СССР со своими союзниками по ОВД, основанных на противостоянии Москвы и Вашингтона в Европе, советско-монгольский военно-политический союз цементировался

советско-китайским соперничеством. Постепенная нормализация отношений между Москвой и Пекином явилась главной причиной снижения военно-стратегической значимости МНР для советского руководства и началом кризиса союзнических отношений.

2. В сравнении с социалистическим периодом стабильность как одна из основных характеристик модели взаимоотношений России и Монголии стала поддерживаться не столько через взаимную изоляцию, умолчание спорных вопросов или же односторонние решения более сильного партнера, сколько путем открытого диалога и саморегулирования комплекса отношений, в котором общие выгоды от сотрудничества уравнивают потенциал существующих взаимных противоречий.
3. По мере осознания российским руководством со второй половины 1990-х гг. значимости для национально-государственных интересов интенсификации отношений с Монголией в разрешении взаимных проблем межгосударственного уровня на смену чистым финансово-рыночным мотивам стали приходить политические решения. Базой для возникновения более тесного и взаимоприемлемого в сравнении с началом 1990-х гг. сотрудничества стало более активное использование двумя странами экономического и социо-культурного потенциала, накопленного за долгие годы социалистического периода.
4. Возросшая, под воздействием федерализации территориального устройства России, роль пригранично-регионального уровня отношений стала важной предпосылкой становления более сложносоставной стратегии Москвы во взаимодействии с Улан-Батором. Монголия стала выступать в качестве серьезного политического и экономического игрока в отношениях с российскими приграничными регионами. Любые действия федерального Центра, затрагивающие в той или иной степени интересы граничащих с Монголией национальных субъектов РФ (Бурятия, Тувы), оказались

невозможны вне соотнесения целей и содержания этих действий с позицией самой Монголии.

5. Фактор третьих стран, с одной стороны, поддерживает высокий уровень заинтересованности РФ в активной политике на монгольском направлении, с другой, заставляет проводить более взвешенную, учитывающую монгольские интересы, политику в отношении своего соседа, являясь внешним основанием динамической стабильности как одной из основных характеристик российско-монгольских отношений.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

- определены предпосылки становления динамической стабильности как модели отношений России и Монголии на современном этапе;
- предложена собственная периодизация российско-монгольских отношений в постсоциалистический период, основанная на анализе динамики межгосударственных контактов на высшем и высоком уровнях;
- вычленены новые механизмы взаимодействия России и Монголии на двустороннем уровне;
- выявлена новая, в сравнении с социалистическим периодом, роль пригранично-регионального уровня (и связанных с ним специфических проблем) в процессе формирования принципиально иной модели развития российско-монгольских отношений в 1990-х – начале 2000-х гг.;
- предложен авторский подход к оценке влияния третьих стран и международных организаций на динамику трансформации российско-монгольских отношений, состояние и перспективы их развития.

Практическая значимость результатов исследования. Результаты проведенного исследования могут быть учтены при выработке соответствующих программ развития российско-монгольских отношений. Теоретические положения данного исследования могут быть использованы при подготовке семинаров, лекций, специальных и факультативных курсов по истории и современному состоянию российско-монгольских отношений и международно-политических процессов в регионе.

Апробация исследования. Отдельные положения и выводы диссертации нашли отражение в докладе на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2004», проводившейся в Москве в 2004 году; на круглом столе «Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение», организованном Институтом сравнительной политологии РАН в 2005 г.; на научно-практической конференции «Историческое развитие Монголии и монголо-российские отношения», приуроченной к 800-летию образования единого Монгольского государства, организованной Посольством Монголии в РФ (2006 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее изученности и научная новизна данной работы, формулируются цели и задачи, определяется теоретико-методологическая база и практическая значимость исследования.

Глава I «Основные характеристики советско-монгольских отношений до начала 1990-х годов» носит ретроспективный характер. В ней выделены основные модели взаимодействия СССР со странами социалистического мира, общие и специфические черты этих моделей, показан ряд особенностей советско-монгольского взаимодействия.

В параграфе 1.1. «**Общие черты и региональная специфика взаимоотношений СССР с социалистическими странами**» рассматриваются основные характеристики и особенности взаимодействия СССР с социалистическими странами Европы и Азии. Ядром отношений Советского Союза со странами Варшавского договора было идейно-политическое противостояние между Москвой и Вашингтоном в Европе.

Одной из ключевых характеристик этого противостояния, так и не вылившегося в открытый вооруженный конфликт, являлась стабильность, определяемая автором, вслед за А.Д. Богатуровым, как определенный тип движения системы межгосударственных отношений, при котором система оказывается в состоянии существовать, воспроизводиться и изменяться, не утрачивая при этом своих базисных характеристик. Стабильность, принципы которой переносились в отношения СССР со странами-членами ОВД, поддерживалась путем навязывания более сильной стороной своих условий менее сильному партнеру в случаях возникновения двусторонних противоречий. Данная разновидность стабильности может быть охарактеризована как статическая. В отличие от советской стороны США во взаимоотношениях со своими союзниками по НАТО постепенно сумели выработать иной вариант стабильности - динамический, в котором между взаимоисключающими конфликтогенными интересами и совпадающими кооперационными интересами сторон постепенно возникает оптимальный баланс, первые сбалансированы вторыми.

Воспроизводство стабильности в отношениях между двумя блоками в Европе, так или иначе, проецировалось лидерами этих блоков, СССР и США, и на другие регионы. В проведении политики, подобной европейской, в отношении большинства социалистических стран Азии СССР был ограничен рядом факторов: географическая удаленность (в случае с государствами Юго-Восточной Азии), способность государства в силу собственного потенциала проводить независимый от Москвы политический курс (КНР с конца 1950-х гг.), относительная периферийность дальневосточного направления внешней политики СССР в сравнении с европейским. Поэтому в отличие от европейской ситуации послевоенного периода, где основная масса участников международно-политического процесса была вовлечена в советско-американское соперничество, в Восточной Азии, наряду с противоречиями двух мировых систем, имели место и собственные, не связанные с «холодной войной» конфликтные ситуации и противоречия.

Соответственно с окончанием глобального противостояния двух блоков и дальнейшим распадом СССР взаимоотношения этих государств с Москвой не претерпели столь разительных перемен, в сравнении с восточноевропейскими государствами. В свою очередь, внутренние социально-экономические и политические трансформации в бывших социалистических странах Восточной Европы, выбор ими новых внешнеполитических стратегий, основанных на союзнических отношениях с Западом, стали прямым следствием распада существовавшей в Европе статической стабильности, основывавшейся на советско-американском противостоянии.

В параграфе 1.2. **«Особенности советско-монгольского взаимодействия»** освещаются ключевые моменты в истории взаимоотношений СССР и МНР, повлиявшие на трансформационные процессы в постсоциалистический период. Монголия традиционно занимала важное место в советской политике на Дальнем Востоке. МНР, изначально ориентированная в своем общественно-политическом и экономическом развитии на советский опыт, как правило, была интересна Москве по двум причинам. Во-первых, Монголия, будучи включенной в зону монопольного геополитического контроля СССР, играла для него важную военно-стратегическую роль в свете актуализировавшихся в различные периоды японской и китайской угроз советским дальневосточным и сибирским территориям. Во-вторых, МНР, по замыслам советского руководства, являлась показательным государством для остальных стран Азии при переходе от феодализма к социализму. При этом военно-политические и идеологические интересы Москвы на протяжении почти всего социалистического периода совпадали с интересами Улан-Батора, заинтересованного в сохранении национального суверенитета.

В результате единственной социалистической страной в Азии, на которую к середине 1960-х гг. была спроецирована в полной мере статическая стабильность, характерная для Европы, оказалась МНР.

Условиями советско-монгольского союза, по аналогии с союзническими отношениями Москвы и социалистических государств Восточной Европы, были военно-политические гарантии СССР перед МНР (по Договору 1966 года) и экономическая привязка МНР к социалистическому содружеству посредством ее членства в СЭВ. Разница проявилась в том, что в отличие от европейской ситуации, где стабильность основывалась на воспроизводстве советско-американского противостояния, в регионе советско-монголо-китайской границы ее стержнем было соперничество Москвы и Пекина.

В условиях напряженных отношений с КНР многие двусторонние проблемы (неэквивалентный торговый обмен, пограничные вопросы, судьбы репрессированных граждан МНР) загонялись вглубь, оставались нерешенными, признавались вторичными в сравнении с глобальной задачей «идеологического противостояния враждебному окружению». Как следствие из этого, с ликвидацией конфронтационного начала в советско-китайских отношениях во второй половине 1980-х гг. и дальнейшим ослаблением интереса советского руководства к МНР как важной с точки зрения военной стратегии стране, а также с началом социально-экономического кризиса мировой социалистической системы методы и принципы поддержания статической стабильности в двусторонних отношениях оказались несовместимыми с новыми условиями глобальной и региональной среды международных отношений. Произошла актуализация многих нерешенных до последнего времени проблем, оголились противоречия прежних лет, до этого компенсировавшиеся выгодами союзных отношений.

В итоге Монголия оказалась единственной азиатской страной, не вписавшейся в общую магистраль политического развития большинства социалистических стран Азии конца 1980-х - начала 1990-х гг. и, по аналогии со странами Восточной Европы, провозгласившей курс на радикальную демократизацию своей политической системы.

В главе II «Двусторонний уровень отношений России и Монголии после дезинтеграции социалистического содружества» исследуется

становление и развитие новых механизмов взаимодействия стран на двустороннем уровне.

В параграфе 2.1. «**Новые внешнеполитические парадигмы России и Монголии**» показывается оформление и содержательное наполнение внешнеполитических парадигм двух стран после их отказа от социалистической модели развития. Вне зависимости от различных по своему содержанию периодов, российско-монгольские постсоциалистические отношения стали осуществляться в рамках принципиально иных внешнеполитических парадигм, основанных на новом подходе к мировой политике и ином видении собственного места в ней. Как следствие из выше перечисленного качественным изменениям подверглись механизмы осуществления внешнеполитической деятельности России и Монголии, а также основные принципы в отношении двустороннего сотрудничества.

Анализ основных документов, регламентирующих внешнеполитическую деятельность двух государств, позволяет сделать следующие выводы относительно принципиальных перемен в начале 1990-х гг., которые остаются неизменными вне зависимости от текущих внешнеполитических приоритетов:

- отказ от классового подхода во внешнеполитической деятельности и приоритет национальных интересов;
- замена резолюций заседаний Политбюро ЦК КПСС и ЦК МНРП и партийных съездов двух стран как основных механизмов принятия внешнеполитических решений взаимодействием парламента, президента и правительства;
- снижение удельного веса военного компонента внешней политики как одного из основных способов ее осуществления.

Различия проявились в установившемся механизме распределения внешнеполитических функций между основными органами власти. В Монголии, в отличие от РФ, формирование правительства страны (в том

числе и входящих в него ведомств, отвечающих за внешнюю политику) является прерогативой национального парламента, а не президента. Соответственно и роль парламента Монголии в формулировании и определении основных внешнеполитических положений оказалась значительно выше, нежели российского законодательного собрания. В связи с этим можно сказать, что парламентские выборы в Монголии в теории предполагают зависимость от их результатов расстановки акцентов во внешней политике государства. В то же время при рассмотрении программных установок основных партий Монголии по вопросам внешней политики выясняется, что практически не существует строгой корреляции между партийным составом парламента и подходами к отношениям с Россией.

Сравнительный анализ двух Договоров между СССР и МНР 1966 года и между РФ и Монголией 1993 года еще раз подтвердил вывод о том, что в постсоциалистический период российско-монгольские отношения в рамках новых внешнеполитических парадигм приобрели направленность в сторону менее обязывающего друг друга сотрудничества в различных областях взаимоотношений.

Параграф 2.2 «Эволюция подходов руководства двух стран к двусторонним отношениям» посвящен исследованию вопроса о динамике и причинах изменений российской и монгольской позиций по вопросу о приоритетах в двусторонних отношениях. Границы между этапами в российско-монгольских отношениях во многом отражают "смену вех" во внешних политиках двух стран в целом. Низкие показатели дипломатической активности Москвы на монгольском направлении и Улан-Батора на российском в первой половине 1990-х гг. связаны с доминированием во внешней политике России курса на непропорционально тесное сотрудничество с США, а также взглядами монгольской стороны на эффективное взаимодействие со странами Запада как компенсацию издержек постсоциалистического развития. Постепенное осознание собственных

национальных интересов привело к тому, что во второй половине 1990-х гг. внешнеполитические контакты России и Монголии стали более плодотворными. Начиная с 2000-х гг. можно отметить наращивание российского влияния в Монголии посредством интенсификации экономических связей. Показатели дипломатической активности двух стран за последние 15 лет могут служить индикатором связи между провозглашаемыми внешнеполитическими курсами и их практическим воплощением. График двусторонних контактов (встреч) государственных руководителей на высшем (главы государств) и высоком (не ниже министра) уровнях двух стран за время с 1992 по 2005 гг. позволяет обрисовать более или менее цельную картину динамики дипломатической активности Москвы и Улан-Батора. Качественной границей между первым и вторым периодами российско-монгольских отношений может служить возникновение инициатив по поводу политических контактов на высоком уровне с российской стороны (1996 год), что во многом явилось отражением общей тенденции изменявшейся внешнеполитической линии государства. Границей второго и третьего периодов можно считать официальный визит на высшем уровне главы российского государства В.В. Путина в 2000 г. и последовавший за этим качественный прорыв российской дипломатии на монгольском направлении.

В параграфе 2.3. «Основные факторы динамики двусторонних отношений» показывается связь между состоянием внешнеполитических ресурсов стран (в первую очередь России) и динамикой их взаимодействия в последние полтора десятилетия. После конституционных реформ в России и Монголии в самом начале 1990-х гг., связанных с введением принципа разделения трех ветвей власти и выборности главы государства и парламента на альтернативной основе, общей либерализацией политических систем двух стран, процесс смены монгольского руководства стал носить демократический (по крайней мере, по форме) характер и перестал быть напрямую зависимым от политических предпочтений Москвы. При этом

необходимо подчеркнуть, что и в новых политических реалиях двусторонние отношения и связанные с ними текущие проблемы, продолжили быть важным фактором внутривнутриполитического процесса Монголии. Разница проявилась в изменившемся механизме его воздействия. В условиях открытого освещения многих аспектов переговорных процессов по различным проблемам правительства стран были поставлены в ситуацию, при которой от них потребовался более взвешенный и продуманный подход к решению этих проблем. В новых условиях, более либеральных в сравнении с социалистическим периодом политических систем двух стран, между Москвой и Улан-Батором появилось открытое обсуждение многих существующих проблем. Все это объективно способствовало улучшению психологического фона отношений, лишило очередного повода для критики антироссийски настроенной части монгольских политиков и общественности в адрес Москвы. Таким образом, базовыми основаниями для нового механизма взаимоотношений, в частности, в подходах руководства двух стран к имеющимся проблемам и конфликтным устремлениям, стали внутренние структурные изменения в странах, выразившиеся в либерализации политических систем.

Отдельные внешнеполитические ресурсы в постсоциалистический период отношений с Монголией утратили свою актуальность (идеологический, военный), другие оказались востребованными только на рубеже 1990-2000-х годов (накопленный за социалистический период потенциал социально-экономического и научно-культурного сотрудничества). Постепенная активизация российской дипломатии на монгольском направлении способствовала более успешному и эффективному использованию имеющихся у России ресурсов в отношениях со своим соседом. Так, взаимоприемлемое разрешение проблемы задолженности Монголии перед Россией в начале 2000-х гг. придало дополнительный импульс для крупного российского бизнеса в деле инвестиционной политики

в Монголии, способствовало созданию более привлекательного имиджа России среди монгольской общественности.

В главе III «Новые измерения современных взаимоотношений двух стран» анализируется роль пригранично-регионального уровня взаимодействия, а также значение третьих стран в процессе трансформации российско-монгольских отношений.

В параграфе 3.1. «Пригранично-региональный уровень взаимоотношений» показывается, что с произошедшими существенными трансформациями внутри обеих стран не могли не появиться изменения политических, экономических, социальных, культурно-исторических характеристик приграничных регионов как части государственно-политического пространства России и Монголии. Функциональная нагрузка границы и приграничных регионов приобрела новые характеристики. Существенные изменения в системе отношений «Центр – регионы» выразились в децентрализации государственного управления, расширении прав и свобод территориальных субъектов в политической и экономической сферах, в том числе и на уровне международных связей. Произошло увеличение удельного веса прямого пригранично-регионального взаимодействия в российско-монгольских отношениях, в первую очередь, в торгово-экономической сфере. Также у приграничных монгольских и российских территорий после нормализации отношений с КНР появилась фактически новая функциональная нагрузка – транзитная трансграничная торговля. Пограничное положение регионов стало фактором для их реального или потенциального социально-экономического развития.

Трансформация роли старой территориально не изменившейся границы с Монголией привела к появлению новых и актуализации прежних проблем политического, экономического, социокультурного характера – сепаратистских движений, ирредентизма, трансграничной преступности. Характерное для большинства граничащих с Монголией российских субъектов этнокультурное разнообразие, не особо проявлявшее себя в рамках

советской системы, с началом общих трансформационных процессов стало постепенно всплывать и актуализироваться. Общность границ с Монголией во многом стимулирует этот процесс, выводит его за рамки внутренних проблем России. Этнические или этнически-маркированные конфликты в них неизбежно попадают в контекст межгосударственных взаимоотношений, соответствующим образом воздействуют на них, могут получать, в свою очередь, от них дополнительные импульсы и энергетику. Любые действия федерального Центра, затрагивающие в той или иной степени интересы граничащих с Монголией национальных субъектов, не могут быть проведены вне соотнесения целей и содержания этих действий с позицией соседнего государства. Это, в свою очередь, не замедлило сказаться на взаимоотношениях с Монголией, которая в постсоциалистический период стала играть роль серьезного экономического и политического игрока в российских приграничных регионах. Возросшая роль регионально-приграничного уровня отношений наряду с изменившимися механизмами межгосударственных связей стала одним из оснований становления динамической стабильности в отношениях России и Монголии.

Параграф 3.2. **«Фактор третьих стран в современных российско-монгольских отношениях»** посвящен исследованию места международно-регионального измерения отношений в процессе становления новой модели взаимодействия двух стран. С конца 1980-х гг. произошло превращение международно-регионального уровня российско-монгольских отношений из максимально ограниченного и замкнутого на традиционном региональном «треугольнике» Россия-Монголия-Китай в фактор, оказывающий серьезное воздействие на характер отношений Москвы и Улан-Батора. Одним из следствий этого стало расширение международных связей Монголии, выразившееся как в установлении или возобновлении дипломатических контактов официального Улан-Батора со многими ранее не доступными для него государствами, так и в резком увеличении сферы и степени

внешнеполитического влияния ряда внерегиональных игроков – США, Японии, Южной Кореи, стран Евросоюза.

В то же время для Улан-Батора существует ряд причин, по которым ни одна из сторон, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, не сможет добиться явного лидерства в деле влияния на Монголию. Так, в отношениях с Китаем потенциальным источником вызова для национальной безопасности Монголии, как правило, признается его экономическое и демографическое давление. По мере прояснения ситуации с реальными размерами инвестиций внерегиональных партнеров Монголии не оправдались ожидания монгольской политической элиты по поводу перспектив «экономического чуда» по западным рецептам. В то же время фактор третьего «коллективного» партнера Монголии, т.е. многостороннее сотрудничество с не граничащими территориально странами, стал условием построения новой более гибкой стратегии Улан-Батора в рамках традиционной системы трехсторонних отношений с Москвой и Пекином. Термин «коллективный» партнер во многом условен, ибо политика стран, заключенных в него (США, Японии, Южной Кореи, стран Евросоюза), временами может приобретать характер обоюдного соперничества за политическое, экономическое и информационное влияние на Монголию. Общее здесь заключается в той функции, которую вольно или невольно выполняют эти страны – напоминание России и Китаю о постоянно присутствующей альтернативе внешнеполитической ориентации Монголии. Фактор третьих стран, с одной стороны, поддерживает высокий уровень заинтересованности РФ в активной политике на монгольском направлении, с другой, заставляет проводить более взвешенную, учитывающую монгольские интересы, политику. В целом, расширение Улан-Батором круга партнеров на международной арене явилось внешним условием закрепления динамической стабильности в отношениях с Москвой.

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования и выделяются наиболее перспективные направления для дальнейшего изучения российско-монгольских отношений.

Публикации автора:

- 1) Внешняя политика современной Монголии в контексте процесса демократизации мира // Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2004» Т.2. Выпуск 12 - М.: Издательство МГУ, 2004. 0,1 п.л.
- 2) Эволюция структуры трехсторонних отношений по линии Россия-Монголия-Китай // Тезисы докладов I Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения». Т.2. – М.: Издательство МГУ, 2005. 0,1 п.л.
- 3) Региональная идентичность современной Монголии // Владимирцовские чтения – V. Доклады Всероссийской научной конференции. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2006. 0,5 п.л.
- 4) Третий «коллективный» сосед как фактор суверенитета современной Монголии // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение. – М.: Восточная литература РАН, 2005. 0,3 п.л.
- 5) Региональная идентичность современной Монголии: основные варианты и тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 16: Политология, культурология. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2006. №3. 0,5 п.л.
- 6) Перспективы развития российско-монгольских отношений в начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М.: Издательство МГУ, 2007. №2. 0,1 п.л. (в печати).

Отпечатано в копицентре «СТ ПРИНТ»
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
www.stprint.ru e-mail: zakaz@stprint.ru тел.: 939-33-38
Тираж 70 экз. Подписано в печать 27.10.2006 г.